

Прохладный воздух коснулся моих обнажённых ног. Я поставил на стул одно колено, затем другое. Встав на колени, я вцепился в спинку стула, чтобы удержаться.

Я пытался убедить себя: какая, в сущности, разница, чьи пальцы войдут внутрь — мои или его? Почти то же самое. Ничего страшного. Но пока я так себя успокаивал, жгучая боль резко обожгла правую ягодицу.

— ...Кх!

— Что ты делаешь? Выше зад.

По ягодице ударила его ладонь. Напряжение, от которого я с таким трудом избавился, от одного этого шлепка вернулось с новой силой.

Я поддал напрягшиеся ягодицы вверх и спрятал лицо в руках, сжимавших спинку. Мелькнула мысль, что эта поза так похожа на ту, в которой стоят у доски в ожидании порки. Казалось, даже время замедлилось, растягивая каждое моргание.

— ...А?

И тут до меня дошло. Эта поза была больше похожа не на наказание, а на типичную позу для секса.

От этого осознания по пояснице пробежали мурашки. Только сейчас я подумал, что ладонь, шлёпнувшая меня, вот-вот схватит за талию. Что сзади ко мне прикоснутся не его пальцы. Я задрожал всем телом.

— Замёрз? Чего так трясёшься?

— Ты... ты правда собираешься? По-настоящему?

У меня не хватило духу обернуться. Проще и вернее всего было бы посмотреть, просто открыть глаза, но... я боялся. Боялся, что моя догадка окажется правдой, что кошмар развернётся прямо перед глазами.

«...Но даже если бы я это увидел, что бы я смог сделать?»

Накопленное за всё это время чувство обречённости одно за другим отсекало мои страхи. Если вдуматься, мне всегда оставляли лишь тот выбор, который ни на что не влиял. Так что и сейчас всё, что мне оставалось, — это ждать, что со мной сделают.

По полу что-то прошаркало, приближаясь. Оттуда, где стоял У Тхэ Сон, прямо мне за спину.

Это он подходил ко мне.

— ...Хм-м.

Голос был полон недовольства. И раздался он не над головой, а гораздо ниже. Там, где его пальцы с каким-то сожалением очерчивали круги...

— Всё ещё не раскрылось.

И тут я понял, что У Тхэ Сон сел на принесённый им стул. И как, должно быть, я выгляжу в его глазах — на коленях, с задницей, выставленной напоказ.

Когда мои ягодицы невольно поползли вниз, его пальцы, очерчивавшие круги, замерли. Прямо у плотно сжатого входа.

От этой безмолвной угрозы мне не оставалось ничего, кроме как снова выставить задницу. Мне претила мысль, что кто-то — особенно У Тхэ Сон — будет вот так в упор на меня смотреть, но оказаться лицом к его ширинке было бы ещё хуже, не так ли?

В голове стучала одна-единственная мысль: «Только бы не услышать бряцанье пряжки ремня». Потому что это могло означать лишь одно.

— ...Агх.

Сдавленный стон сорвался с губ, когда грубая сила вломилась в моё напряжённое тело.

Вместе с вырвавшимся стоном распахнулись и плотно зажмуренные глаза. Рядом с моими руками, вцепившимися в спинку стула, лежала его рука.

Мои пальцы отчаянно цеплялись за единственную опору. Его — аккуратно сложенные, лежали совершенно спокойно. Это были те же самые пальцы, что сейчас находились внутри меня, проникая туда, куда был устремлён и его, и мое внимание.

— Ха-ах...

К счастью, это был всего лишь палец. Хотя слово «к счастью» здесь вряд ли уместно.

Ощущение было настолько ошеломляющим, что я даже не был уверен, что это палец. Может, всё дело было в диком напряжении. Сухожилия на моих руках натянулись и мелко дрожали.

— Ты это нарочно делаешь?

— Ч-что?.. Хннгх... О чём ты?

Не давая мне опомниться, он резко вошёл глубже, а затем медленно вышел, словно ничего не произошло. Будто нежно разминал мои внутренние стенки, сжавшиеся от спазма.

— Ха-ах, нгх! Хнн...

— Смотри-ка. Ты специально сжимаешься вокруг меня.

— Я... ннгх... я не... не делаю...

— Ах. Так мне сделать вид, что я не заметил?

«Что ты несёшь?» — именно это мне хотелось у него спросить.

Если бы не тяжесть, давившая на меня сзади, я бы потребовал объяснений. Если бы не спинка стула, впивавшаяся в грудь спереди, и не твёрдая грудная клетка, прижавшаяся ко мне сзади, — я бы точно потребовал.

У Тхэ Сон с поразительной лёгкостью подавил мои дёргания. Ему даже не понадобились обе руки — одним предплечьем он намертво обхватил мою шею. Этого хватило, чтобы обездвигить меня, будто всё тело сковали кандалами.

Он надавил локтем, и мой подбородок, зажатый в его руке, задрался вверх, а поясница послушно прогнулась. Проще говоря, меня поставили в позу, в которой У Тхэ Сону было удобнее входить в меня.

— Ах!..

Последней точкой опоры для него стало моё окаменевшее от напряжения плечо. Он прижался к нему так естественно, словно занимал своё законное место. Твёрдый подбородок на плече, щекочущий шёпот у самого уха — от всего этого по спине пробежал ледяной холод.

— Это ведь ваш первый раз, учитель?

И с этим тихим шёпотом палец внутри меня начал уверенно двигаться.

Хотя бы в этом У Тхэ Сон был прав. Это был мой первый раз. Впервые в меня вошёл кто-то, кроме меня самого. И та безжалостная сила, та неослабевающая скорость, с которой он терзал меня изнутри, — на такое даже я сам никогда не решался.

— Ха, хаах... П-помедленнее... Ах, АХ! Хннк!

Я уже не понимал, один там палец или два, да и пальцы ли это вообще. Их становилось всё больше, они заполняли меня без остатка.

Когда, казалось, места уже не осталось, У Тхэ Сон начал описывать пальцами широкие, глубокие круги. С моих губ невольно срывались стоны при каждом его движении. И тут же освободившееся на мгновение пространство занимал ещё один его палец.

Голова шла кругом от этих циклов сжатия и расслабления. Стоило мне, задыхаясь, судорожно глотнуть воздуха, как я лишь отчётливее ощущал его пальцы внизу.

— Выпендриваетесь? Так крепко сжимаете.

— Хнгх, хаах, нгх!

Это он держал меня мёртвой хваткой. Но у меня не было сил возразить. Моё тело было слишком занято тем, что непроизвольно отзывалось на каждый его толчок.

Однажды, всего раз, я довёл себя до состояния, которое считал своим пределом. Но теперь я понял: то, что я принимал за край обрыва, было всего лишь пологим холмом. Я осознал, что стоял на ничтожной высоте, лишь когда меня подвели к краю настоящей пропасти.

Другими словами, всё, чем я занимался до этого ради собственного удовольствия, было не более чем детской игрой.

— Хннг, нгх! Ах, АХ!

— Так вот что нравится нашему учителю.

На этой новой, запредельной высоте я не то что не мог прийти в себя — я боялся, что вот-вот задохнусь.

Но У Тхэ Сон и не думал меня щадить. Даже когда казалось, что растягивать внутри уже просто нечего, он попытался впихнуть ещё один палец.

— Ах, нет! Хнг, б-больше... больше уже, ик, невозможно! Нгх!

Я в отчаянии дёрнулся назад, но он оказался быстрее. Одним движением он скрутил мои запястья и прижал их к спинке стула.

Он ждал этого? Движения были отточенными, будто он только и ждал, что я попытаюсь рыпнуться. Одной своей ладонью он намертво зафиксировал оба моих скрещенных запястья, но ощущалось это так же, как мгновение назад, когда он сковал всё моё тело.

От У Тхэ Сона было не сбежать. По крайней мере, мне.

— Хватит... Ик... я больше не могу... Нгх.

— Забавно, правда? Делать вид, что сопротивляешься.

Сука. Только сейчас я понял, зачем была нужна моя неуклюжая ложь про «первый раз».

Новичок я или нет — У Тхэ Сону было плевать. Это был лишь ещё один способ поиздеваться. Унизить.

В тисках его хватки, я мог лишь рыдать всем телом, принимая его пальцы.

— Похоже, тебе охуенно приятно, когда в тебе просто грубо ковыряются.

— ...Хннг, хаах. Ангх!

Одновременно с резким, глубоким толчком снизу вверх из моего подрагивающего члена хлынула липкая сперма.

— А. Вот здесь?

В голосе послышался смешок. У Тхэ Сон принялся настойчиво вдавливать в точку, которую только что нащупал. Он то безжалостно бил по этой точке, то, помучив её, дразняще обходил стороной.

Я яростно замотал головой. Нет, всё не так. Но низ живота меня не слушал. Опустошение после оргазма было недолгим. Вскоре член снова встал, вздёрнув головку.

Но по-настоящему меня мучило не то, что я снова возбудился.

— Нет?

От его низкого голоса у самого уха кровь ударила в пах. Я пытался сопротивляться, но становился только твёрже.

Я не мог этого принять. Если бы я возбудился только от его прикосновений, от чисто физической стимуляции, это было бы ещё полбеды. Это можно было бы списать на рефлекс. Но не так. Возбуждаться от одного лишь его томного голоса — с этим я не мог смириться. Никогда.

Переводчик и редактор — Rudiment.

<http://bllate.org/book/14794/1318953>